

aparțbile № 224332

adanei zegi
rkəup
auasja rnapala
irəmənəma
adgəl
parəfəsənoit
akə əqəm
qara...
— isah
aparția
isaħ
izakənəu
iupsaaua
ugətəua?
bətə laxi eikula
atak
sanaħt—
aparṭibilet...
sara.
akə xuəqək...
məxənəla
sguə
qənək, aaiť
sguə acoia
arçəsət
mənənəla
açəxučənza.
jəcə iskən
sara snapaba,
axa
isəmərəçəpapařit
apsra
xpařgja
iasəz

(eit. 1. կունիա).

sparṭbilet	uara?
zənza.	ua uoup
— ei	zəzqəstua
aproleṭarjal	səbətə eicəkne
ałkuə	otuomuaz!
łəs təjel	ugə eitamsərc
zegi!	iñednəhaloiť,—
dəşraqam	astanok.
dəşraqam	qajlar—
apsra	əginəyət.
akuitəzma	uğə əqəaz
igara?..	ıixaakua
ak, zaqək	məxənə
bilet xətək	otuomuaz
əzət uħargi...	mcaşərala
aparția	ıcxəraayəs
ajei ałei	sa
ačakħa	inasəstuoit
iltnaqəit...	milionla
iara.	ajkurpa
sara szərjan	raja
apartia	kupara.
iaħaz.	aproleṭar
sguə ialsit	ıkurpa
Tgħażza.	komintern
axa	asanal.
eixat gərla	ixanarpauoit
sməxuqa zegi	aparṭia
leinprəlt.	alqəfara zegi
ei	şaqaz eiqara.
iuħuama	zegi garxia
aparṭia?	sa
aguragaja	scoiť.
shioit—	sara soveť ɬəla
iuħauama	seiuoup
petrak astaxi	ei
ħnəzkila iħeqxa	iuħauama
aparṭibiletku	aparṭia?
irpsaxuoit	aguragaja
lenin iblet	shioit—
iaxia	iuħauama
ikəlaż:	iuħauama

В. Глонти

Прощание

Иду по канавке Лебяжьей.
Плынут журавли высоко.
А сердце цветет бородяк,
Знакомой весенней тоской.

Закат за Невою так розов,
Что просто не веришь глазам,
Но смыну — зовут паровозы
И глухо клюкочет вокзал.

Но знало: куда-б не причали —
Останусь таким-же, таким-
Походный мешок за плечами
И к сердцу прикопотый «КИМ»..
Ленинград.

Я только сейчас проститься
К ребятам зашел в коллектив,
А завтра на юг от столицы
Застонут стальные пути,

И красный глазок семафора
Проводит издалека
Туда, где Кавказские горы
Над морем плынут в облаках.

— Да, нет, Николай Иванович, захоче-
тесь нам с Егором Степанычем яичини...
Вот и думал я в Березовском смотреться,
Что должно быть двое, а на деле — один
мучался. Што-ж не спать штоли никог-
да? Это уж, товарищ, нету такого полу-
чичек прикупить.

— Это успеет... Да, смотрите, уж раз

ления, чтошоб не спать совсем... Один я

будете тоже...

— Обязательно...

Олег, настыивая, и бессменно разма-

хивая руками, прыгая через ступеньки,

спустился вниз, вышел на берег и, обойдя

поленицы, быстрым шагом пошел в ночь

по мягкой проселочной дороге.

■ ■ ■

Березовское — большое село и Олег
долго плутал по широким его улицам, со-

провождаемый лаем свирепых собак, пре-

виде че разыскал избу, где помешалась

телеграф. Пришлося долго стучать. Нако-

не, дверь открылась и на пороге появил-

ась фигура заспанного человека. Чело-

век стоял, держа в руке желтоцветную

семицветную лампу, шуря на ее свет за-

такие глаза.

— Где тут телеграфист? — спросил он.

— А тебе зачем? — недоверчиво спро-

сил человек, почесывая пальцами живот.

— Женить его хочу, — твердо сказал

Олег.

Человек перестал чесаться и испуганно

посмотрел на Олега круглыми от изумле-

ния глазами.

— Ну-у? — спросил он, не понял шут-

ки. И потом добавил осторожно: — Теле-

графист-то это я буду... только я жена-

тай...

— Женатый говоришь? Ну, ладно, не

буду тогда женить — согласился Олег —

а, егоз, телеграмму прими.

— Телеграмму? — прогнулся человек

и недоверчиво поглядел на Олега. Потом,

вдруг, озлился: — да ты что ощумел што-

ли пар! Разве время чиста телеграммы?

— И он сделал движение, чтобы закрыть дверь.

Но Олег решительно дернул за ручку

двери и распахнул ее настежь.

Потом протянул телеграфисту сложен-

ную вчетверо бумагу:

— На, читай! — строго сказал он.

Телеграфист нехотя взял бумагу и, мед-

ленно развернув, прочел ее при свете

лампы, шевеля губами. Потом перевернул

бумагу, посмотрел ее на свет, покачал го-

ловой и, протягивая бумагу Олегу, прог-

оворил нехотя:

— Ну, ладно, уж, если такое дело...

Поймай. Они вошли в избу. Телеграфист

поставил лампу на стол. Лампа освещала

блескающие медью телеграфные ан-

ты.

— Спши! — неодобрительно заметил

bezimenski

Настойчиво и упорно преодолевая элементы мелкобуржуазного бар-
варства и отсталости, лежащие вокруг него и в нем самом, обостренно
и чутко реагируя на социалистические элементы нашей действитель-
ности, новый человек формируется на наших глазах

Путь в Ткварчелы

«Сознание людей отстает в своем развитии от фактического их положения» (Сталин)

Джонатан

В. Глонти

Мы ехали молча
Качаясь в седле
И лошади
Пряли ушами...
И ночь,
Как бандит,
Притягивая в землю,
Сидела из чаши
За пами.
Крутая тропинка
Змелилась в обрывы.
Звенела о камень
Подковы.
Казалось—

Тяжелый громадой горы
Наш путь
Безжалостно сковав.
Мы ехали молча
Качаясь в седле,
Наш сверстник
Была птичка,
Нас четверо было,

Но каждый болел
Бескомпомощной трусостью
Предков.
Нас кони по склону
Опасной тропой
Несли,

Как ахалы*) ахазки...
Но вдруг показалось—
Ожили толпы
Виденья
Прадедовской сказки.

Базалось,
Где папы смывая следы
Реченья тропу перегрызла,
Хохочет и манит,
Встает из воды
Одется пленой
Дзылан...**)

Как настыйще
Осенью ранний снег,
Так сердце застлало
Жутъю.

Казалось—
Шагает «лесной человек»
За нами
Ломая прутья...
И так были

Наши глаза узки,
Залитые черной жижей,
Что если-бы
Встретился нам
Абрисъ ***)
И грохот спросил:

*) Ахал — кувшин, с которым ходят по воде.
**) Дзылан — русалка.
***) Абрисъ — мифический герой, ис-
 треблявший рыжих людей.

0 «рыжих»,
Мы верно вступили-бы
С ним в разговор...
И встреча-б
Казалась «обычной»,
Хоть сердце и билось,
Как пленник,
Как вор,
Настигнутый вдруг
С поличным...
*

Мы были полны
Благодарности к ним—
Конягам,
Намявшим спины,
Богда на гребне
Увидели огни,
Плыущие из долины.
Мы стали,
Чтоб дать отдохнуть
Лошадям—
И я, и товарищ трои.
И первый сказал:
— Как бодро гудят
Станки в коршуках
Ткварчелстрои.
Сверкают победно
В долине огни,
Где штолльня
Пронзила гору,
И мы—
Пастухи и охотники
К ним
Служася в юный город...
Второй,
Оглынувшись через плечо,
Где ночь
Уплозала в ущелье,

*****) «Да здравствует птичка!»

Сказал:

— От этих огней горячо...

Всегда

Достигнутой целью

Гордимся мы,

Как в старину

Гордились

Колем быстроногим...

Мы нащу

По новому строим страну,

И дии,

И дела наши

Радостны многим,

Но если приходится

Ехать в лесу

Тревожной тропою,

Нередко

Бывает—

Сомнены сердце трясут,

Рожденные

Трусыстостью предков...

И так же,

Как нащу ночную жуть

Пронзали огни

Ткварчелстрои,

Так мы проведем

Бесправно

Межу

Меж старым,

И тем, что строим...»

А третий,

Богород все время молчал,

По воздуху свистнул веткой:

— «Эх, саби!

Так третий товарищ вскричал:

— «Хайр акузайт птичка!»****)

*****) «Да здравствует птичка!»

